

© 2014 г.

Людмила Корель

доктор социологических наук

главный научный сотрудник

Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

(e-mail: korell@mail.ru)

Игорь Корель

кандидат физико-математических наук

доцент Новосибирского государственного технического университета

(e-mail: ikorel@qmail.com)

ДРЕЙФ РЕГИОНОВ В МИГРАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В миграционном пространстве России в постсоветский период разворачивается межрегиональная конкуренция за привлечение дефицитного ресурса – человеческого капитала. В статье прослеживаются индивидуальные дрейфы как регионов, так и кластеров во времени и структурированном миграционном пространстве на основе двух моделей 6-кластерной миграционной структуры российских регионов. Делается вывод: развитие современного российского рынка, управляемое и контролируемое государством в интересах столичных метрополий, не преодолело, как ожидалось на старте рыночных реформ, а, напротив, закрепило во времени и многократно усилило опасные межрегиональные миграционные тренды, доставшиеся в наследство от социалистического периода.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, миграционные показатели, миграционные кластеры, миграционные дрейфы регионов, миграционное пространство, миграционная политика.

В конце XX – самом начале XXI столетия проблема закономерностей внутренней межрегиональной миграции в России оказалась на периферии научных и общественных интересов. Ученые и политики сконцентрировали свое внимание на относительно новых видах миграции, носящих большей частью катастрофический характер: бегство русскоязычного населения из стран СНГ, утечка интеллектуальной элиты за рубеж, обвальная бесконтрольная иммиграция низкоквалифицированной иностранной рабочей силы, нелегальная и криминальная международная миграция. Однако со второй половины первого десятилетия XXI в. проблемы внутренней межрегиональной миграции, опасные и разрушительные для государства по

Статья выполнена в рамках проекта «Межрегиональная миграция и социально-экономическое неравенство регионов в современной России», поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда № 130200319.

своему содержанию и последствиям, заставили, наконец, обратить на себя внимание политиков и правительство. Так, в 2006 г. была принята государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом,¹ нацеленная, помимо своего прямого назначения и на решение проблем компенсации сокращения общей численности населения России, купирования мощных миграционных потерь населения во многих стратегически важных российских регионах.

В сентябре 2012 г. был подписан указ президента с новой редакцией программы, включающей дополнительные преференции соотечественникам-переселенцам и сделавшей ее бессрочной. (Заметим, что программа не оправдала ожиданий.) В июне 2012 г. президент утвердил «Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (далее в тексте Концепция)², а правительство РФ разработало план мероприятий по реализации этой концепции³. Хотя в центре данной концепции по-прежнему остаются проблемы внешней миграции, в первую очередь, иммиграции, в ней также уделено определенное внимание и проблемам внутренней межрегиональной миграции.

В утвержденной Концепции выражена обеспокоенность тем, что основным вектором межрегиональных внутренних миграций является поток, направленный с Востока в Центр и в Московский регион, что «усиливает дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации»⁴. Далее, в разделе 24 Концепции, пункт «в», очерчены основные направления государственной миграционной политики Российской Федерации в области содействия развитию внутренней межрегиональной

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2820.

² Указ Президента Российской Федерации от 13.06.12 «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: www.kremlin.ru (дата обращения 20.06.2012).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.08.2012 № 1502-р «О плане мероприятий по реализации в 20012–2025 годах (первый этап) «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025года» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 35. – Ст. 4858.

⁴ Этот тезис справедлив, однако несколько примитивизирует сложившуюся миграционную ситуацию, поскольку а) «полюс притяжения населения» имеет более сложную географическую конфигурацию, б) мощное, разрушительное для территорий исхода центростремительное движение в Московский регион направлено не только с Востока, но и, что важно, из Центра, Юга и Севера России.

миграции граждан Российской Федерации. В разделе 26 «Информационно-аналитическое обеспечение реализации государственной миграционной политики» актуализируется весьма важная, хотя и очевидная идея проведения научно-исследовательских разработок для анализа и прогноза миграционной ситуации. В разделе 27 (перечень основных механизмов реализации государственной миграционной политики Российской Федерации) предусматривается формирование приоритетных направлений государственной миграционной политики РФ для различных типов регионов с учетом складывающейся миграционной ситуации (пункт «д»), постоянный мониторинг и анализ происходящих на территории РФ миграционных процессов (пункт «ж») и их влияния на социально-экономические, демографические и иные аспекты развития страны, а также последующая корректировка конкретных мер государственной миграционной политики РФ.

Завершает Концепцию характеристика трех этапов реализации этой политики, где на финише, по итогам реализации третьего этапа к 2026 г., предполагается обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока. (Однако в последние годы в Сибири целый ряд регионов выигрывает население во внутренней миграции, а в Центре России – о чем не упомянуто в Концепции – стабильно его проигрывает.) Следует также заметить, что пространство внутренних миграций в России затрагивает интересы всех 83 (сегодня их уже 85) регионов страны, а потому оно должно быть более детально структурировано и рассматриваться так, чтобы каждый регион видел свое место и перспективы¹.

К сожалению, в Концепции нет и следов абриса современного механизма межрегионального перераспределения населения России, хотя бы на гипотетическом уровне, не рассмотрены какие конкретно блоки, детерминанты и факторы лежат в его основе. Без такого рода знания достижение заявленных целей, предполагающее смену устоявшихся направлений миграционных векторов, весьма проблематично.

В Концепции не прописаны конкретные субъекты и институты, несущие прямую ответственность за реализацию/не реализацию Концепции, а

¹ Следует отметить, что работа по типологизации (кластеризации) регионов России на основании миграционных характеристик эпизодически проводится учеными (Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В. Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М.: Наука, 1986), в том числе в ИЭОПП СО РАН в середине 80-х (Корель Л.В., Тапилина В.С., Трофимов В.А. Миграция и жилище: Региональный анализ. Новосибирск: Наука. 1989), во второй половине 90-х гг. минувшего века (Корель Л.В., Корель И.И. Региональные контрасты внутренней миграции в России как фактор геополитического риска // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской социологической школы. Новосибирск: Наука. С. 545–557) и, наконец, осуществляется в современный период – во втором десятилетии XXI века.

также санкции в адрес упомянутых субъектов и институций за срыв обозначенных решений и анонсируемых целей. Не обозначены политические, экономические, социальные инструменты воздействия на внутренние межрегиональные миграционные потоки, а также источники, каналы, объемы ресурсов и инвестиций, вкладываемых в регионы «миграционного бедствия». Без уяснения комплекса этих важных вопросов Концепции грозит перспектива трансформироваться в стереотипный бюрократический симулякр.

Построение миграционных кластеров. Межрегиональное миграционное пространство России – это система регионов (их на момент исследования было 83), которая обменивается населением, находясь в постоянной конкурентной борьбе за человеческий капитал. Сложное мультирегиональное миграционное пространство России актуализирует задачу выявления его композиционной структуры. Один из возможных способов структурирования – метод кластеризации регионов на базе комплекса миграционных характеристик. Он позволяет свести все многообразие субъектов РФ к легко обозримому количеству их миграционных кластеров, выступающих носителями специфических миграционных проблем. В частности, он дает возможность, во-первых, диагностировать миграционные проблемы в привязке к выделенным кластерам (идет ли речь, например, об опустошающем территорию бегстве населения во вне или же о высоком миграционном вале, разрушающем до основания социокультурную среду), а, во-вторых, упорядочить («иерархизировать») кластеры по результатам конкуренции (позитивные – негативные) за человеческий капитал.

В данной статье мы воспользуемся двумя 6-кластерными версиями структуризации миграционного пространства российских регионов, абсолютно идентичными по методике в целях обеспечения сравнимости результатов. Исследование 2010–2012 гг. (период посткризисного начала второго десятилетия XXI в. – посттравматической ремиссии финансовых событий 2009 г.) является калькой предшествующего, проведенного в 1995–1997 гг. (период предкризисной второй половины 90-х годов XX в. – финансового предколлапса 1998 г.).

Каждый регион РФ был описан пятью миграционными показателями, определяющими его миграционный профиль. Это, во-первых, абсолютные показатели миграции (их два), позволяющие судить о масштабах миграционных процессов в регионе: оборот миграции (или валовая миграция) и абсолютное сальдо миграции (или нетто-миграция). Во-вторых, относительные показатели миграции (их три): 1) относительное сальдо миграции (коэффициент миграционного прироста, или нетто-миграции), 2) коэффициент валовой миграции, или брутто-миграции, 3) результативность миграции (отношение числа прибывших на 100 выбывших).

Кластерная модель строилась с использованием метода k -means++ – модифицированного популярного метода k -средних (k -means), в котором для разбиения регионов на заданное число кластеров минимизируются их евклидовы расстояния до главных точек (центров кластеров):

$$\sum_{i=1}^K \sum_{x_j \in S_j} \min |x_j - \mu_i|^2$$

Здесь $i = 1, 2 \dots K$ – индексы кластеров S_i , μ_i – центры кластеров, x_j – N -мерные векторы с миграционными параметрами регионов, где N – число миграционных параметров в модели. Отличием метода k -means++ от своего прародителя является эффективная инициализация начальных центров кластеров, предваряющая собственно минимизацию по k -means.¹

Результаты кластеризаций межрегионального миграционного пространства России в двух временных точках постсоветской России предоставили, в конечном счете, достаточно внятные и прозрачные пространственные карты, визуализирующие каждая 6 кластеров, обладающих ярким, индивидуальным, миграционным профилем и, одновременно, объединяющих регионы, близкие по содержанию, природе, характеру «переживаемых» миграционных проблем. В географическом пространстве каждая из двух структурных композиций регионов имеет пестрый лоскутный (дискретный, прерывный) характер, полна миграционных контрастов и диссонансов (нередко ближайшие территориальные соседи – субъекты РФ – могут демонстрировать альтернативные профили миграции и пр.). И все же каждая структурная композиция исполнена, в известном смысле, внутренней гармонии, распадаясь на два симметричных крыла (гнезда): «благополучное» (3 кластера) и «неблагополучное» (3 кластера). Однако, если мы обратимся к наполняемости кластеров конкретными регионами, то увидим, что менее половины регионов (37 из 88, т.е. 42%) в 1995–1997 гг. и около трети (27 из 83, т.е. 31%) в 2010–2012 гг. попадают в благополучные кластеры, а больше половины (58% и 69%) – в неблагополучные. При этом (опасная тенденция!) доля регионов России, входящих в неблагополучные кластеры, за изучаемый период существенно выросла – на 11 п.п.

¹ Arthur, D. and Vassilvitskii, S. (2007). « k -means++: the advantages of careful seeding». Proceedings of the eighteenth annual ACM-SIAM symposium on Discrete algorithms. Society for Industrial and Applied Mathematics Philadelphia, PA, USA. pp. 1027–1035.

Таблица 1

Распределение регионов Российской Федерации по кластерам

Кластеры	Годы	
	1995–1997 гг.	2010–2012 гг.
I – полнос миграционного притяжения или миграционный магнит России	Московская обл., г. Москва	Московская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Тюменская обл.
II – успешно конкурирующий в миграционной борьбе за население с другими регионами	г. Санкт-Петербург, Ленинградская обл., Краснодарский и Ставропольский края, Тюменская, Ростовская, Новосибирская, Самарская, Челябинская обл., Башкортостан, Татарстан	Ставропольский край, Ростовская, Новосибирская, Челябинская обл., Башкортостан, Татарстан, Свердловская обл., Ханты-Мансийский авт. округ – Югра, Алтайский край, Красноярский край
III – удерживающий (слабо привлекающий) население в межрегиональном миграционном обмене	Вологодская, Новгородская, Ярославская, Псковская, Брянская, Ивановская, Калужская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Белгородская, Курская, Липецкая, Тамбовская. Астраханская, Пензенская, Томская, Камчатская, Магаданская, Калининградская обл., республики Удмуртия, Чувашия и Хакасия	Воронежская, Ленинградская обл., Республика Дагестан, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Самарская. Саратовская, Иркутская, Кемеровская, Омская области, Приморский край.
IV – миграционно-депрессивный (теряющий население на фоне среднего значения интенсивности миграционного оборота)	Мурманская, Нижегородская, Волгоградская, Саратовская, Пермская, Свердловская, Кемеровская, Иркутская обл., Алтайский, Красноярский, Хабаровский, Приморский края, Ханты-Мансийский автономный округ	Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Ярославская, Республика Карелия, Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Астраханская, Ульяновская, Амурская, Сахалинская области, Республики Чеченская, Марий Эл, Мордовия, Хакасия.
V – миграционного катаклизма – несет самые масштабные абсолютные и высокие относительные миграционные потери населения на фоне мощной интенсивности миграционного вала	Архангельская, Владимирская, Тверская, Тульская, Кировская, Воронежская, Ульяновская, Курганская, Оренбургская, Омская, Читинская, Амурская, Сахалинская области, республика Коми, Дагестан, Бурятия, Якутия, Ямало-Ненецкий автономный округ	Архангельская, Тверская, Тульская, Курганская, Белгородская, Брянская, Курская, Республика Коми, Мурманская, Волгоградская области, республики Удмуртская, Чувашская, Кировская, Пензенская области, Забайкальский край, Томская область, Хабаровский край, Бурятия, Якутия, Ямало-Ненецкий автономный округ

Кластеры	Годы	
	1995–1997 гг.	2010–2012 гг.
VI – полюс миграционного бедствия или миграционной катастрофы (максимальные величины коэффициентов отрицательного сальдо миграции и миграционного оборота, т.е. коэффициентов нетто и брутто-миграции).	Республики Алтай, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Калмыкия, Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Осетия-Алания, Тыва, Коми-Пермяцкий, Таймырский, Эвенкийский, Усть-Ордынский, Агинский–Бурятский, Чукотский, <i>Корякский</i> , Ненецкий авт. округа, Еврейская авт. область	Республики Алтай, Калмыкия, Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Осетия-Алания, Тыва, Чукотский, Ненецкий авт. округа, Еврейская авт. область, Камчатский край, Магаданская обл.

Меньшее число регионов в 2010–2012 гг. в сравнении с 1995–1997 гг. обусловлено включением статистических данных по Коми-Пермяцкому автономному округу в Пермский край, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов – в Красноярский край, Усть-Ордынского Бурятского АО – в Иркутскую область, Агинского Бурятского АО – в Забайкальский край (Читинскую область).

При всей относительности понятий «благополучный», «неблагополучный» кластер, в своих содержательных оценках и интерпретациях мы исходили из реалий современного российского контекста (низкий естественный прирост, низкая плотность населения и пр.), в рамках которого, в общем случае, миграционный прирост населения (его отражают в первую очередь сальдовые показатели миграции) есть явление положительное. Регионы, притягивающие население, находятся в выигрышной ситуации во многих отношениях, а потому напрямую заинтересованы в приросте этого дефицитного экономического ресурса. В целом же способность притягивать население свойственна экономически процветающим и динамично развивающимся территориям с многопрофильным рынком труда и большим числом вакансий.

Другое дело – валовые показатели миграции, отражающие уровень территориальной мобильности населения. Высокая территориальная мобильность, в общем случае, знаменует свободу передвижения. Однако в действительности этот миграционный индикатор не обладает некоей универсальной, во времени и пространстве, самооценностью, поскольку не всегда является надежным маркером развитости рынка и общества. Высокая территориальная мобильность исторически действительно выступает условием и залогом экономических успехов государства, обусловленных становлением и развитием рынка – известен экономический закон о росте миграционной подвижности населения в условиях развития рыночных отношений. Однако в исторической практике высокие значения

данного индикатора нередко свидетельствуют о «патологических» и даже кризисных явлениях в обществах, поскольку сопутствуют экономическим спадам, коллапсам, катастрофам, экологическим и природные бедствиям, войнам, выступая их маркером. Мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой в современной России «низкая территориальная мобильность населения» не является тормозом развития экономики страны, как она позиционируется в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». Но она избыточна и деструктивна, поскольку выступает результатом опасной экономической разбалансировки и глубоких межрегиональных неравенств в экономике страны, включая развитие рынков труда и инвестиций. Эти неравенства побуждают население депрессивных регионов к поиску трудовых вакансий в иных географических частях страны, к перманентным возвратным «челночным» движениям в пункты исхода в связи с трудностями обустройства на новых местах, массово превращая людей в «вечных отходников» либо скитающихся полубродяг.

В ходе исследования установлено, что композиционные структуры миграционного пространства России во второй половине 90-х годов минувшего века и в начале второго десятилетия XXI века являются идентичными, к тому же организуются по иерархическому принципу: «наверху» находится самый «благополучный» кластер I – полюс миграционного притяжения, своеобразный миграционный магнит, мощно всасывающий население извне, на фоне «сдержанного» (по относительным показателям) миграционного вала. Ниже на ступеньку иерархической лестницы располагается кластер II – успешно конкурирующий в миграционной борьбе за население с другими регионами. Еще ниже – кластер III – удерживающий (слабо привлекающий) население в межрегиональном миграционном обмене. Далее разместился кластер IV – миграционно-депрессивный, теряющий население на фоне средних значений интенсивности миграционного оборота (коэффициента брутто-миграции). Затем идет кластер V – миграционного катаклизма – он несет самые масштабные абсолютные и высокие относительные миграционные потери населения на фоне мощной интенсивности миграционного вала (коэффициента брутто-миграции). И, наконец, на самой нижней ступени обосновался кластер VI – полюс миграционного бедствия или миграционной катастрофы (максимальные величины коэффициентов отрицательного сальдо миграции и миграционного оборота, т.е. (коэффициентов нетто и брутто-миграции):.. миграционный котел его бурлит на фоне катастрофических по величине миграционных потерь, дестабилизируя и разрушая экономический и социокультурный сегмент общественной жизни.

Таблица 2

**Миграционные параметры центров кластеров
в 1995–1997 гг. и 2010–2012 гг.**

Миграционные показатели	Годы	Кластеры					
		I	II	III	IV	V	VI
Абсолютные показатели миграции центров кластеров, среднегодовые							
1. Оборот миграции (брутто-миграция), чел.	1995-1997	121 573	63 326	17 801	41 115	26 300	5 550
	2010-2012	257 000	153 000	102 000	40 000	61 000	17 170
2. Абсолютное сальдо миграции (нетто-миграция), чел.	1995-1997	30 148	6 336	1087	-2732	-4491	-629
	2010-2012	60 000	4 267	167	-255	-2 803	-1 440
Относительные показатели миграции центров кластеров							
3. Коэффициент ми- грационного оборота (брутто-миграции) на 10 тыс. чел. населения	1995-1997	163	187	190	186	209	224
	2010-2012	472	509	425	447	543	627
4. Относительное саль- до миграции или коэф- фициент нетто-мигра- ции – миграционного прироста/убыли на 10 тыс. чел. населения	1995-1997	39.9	21.2	2.1	-22.4	- 42.9	-59.8
	2010-2012	93.1	15.3	3.0	-4.8	-27.5	-42.5
5. Результативность миграции (численность прибывших на 1000 убывших)	1995-1997	1670	1230	1000	830	640	580
	2010-2012	1670	1070	1020	989	918	892
6. «Рентабельность» миграции (отношение нетто-миграции к брутто-миграции, в промилле)	1995-1997	247	100	61	-66	-171	-113
	2010-2012	233	28	2	-6	-46	-84
7.Уровень «рентабель- ности» миграции	2010–2012 к 1995–1997 гг., %	90	30	3	9	27	74

Общие тенденции, наблюдаемые в изучаемый 18-летний исторический период времени таковы.

1. Ярко проявили себя разнонаправленные, *асинхронные тренды* (рост, падение, стагнация относительного сальдо миграции) в «благополучном» сегменте кластеров (I, II, III) и, напротив, однонаправленные, *синхронные* – в сторону улучшения (существенное снижение отрицательного относительного сальдо миграции) – в «неблагополучном» сегменте, объединившим IV, V, VI-й кластеры. Причем два последние из них, несмотря на сокращение потерь, все же продолжают оставаться по своим миграционным характери-

кам кластерами миграционного бедствия и катастроф. Тем более, что некоторое «улучшение» миграционной картины обусловлено скорее *оскудением миграционных ресурсов* в данном кластере – «все кто мог – уехали», нежели результатом исправления тяжелой социально-экономической ситуации.

2. Общим для всех шести кластеров является значительный рост миграционной подвижности населения – коэффициента миграционного оборота (в 2,2–2,9 раза). Этот рост для «благополучного» сегмента кластеров проходит на фоне заметного снижения так называемой «рентабельности» миграции, фиксирующей соотношение «затрат» и «результатов». В данном случае имеется в виду конечный результат, «сухой остаток» от миграций, т.е. объем чистой миграции (миграционный прирост) в расчете на 1000 человек «миграционного вала» (прибывшие плюс выбывшие). Иными словами, миграционный прирост населения для кластеров, принимающих население, становится все менее экономичным и более «затратным», поскольку достигается более массовым миграционным оборотом – «брожением» – населения. При сравнении кластеров, привлекающих население, поражают контрасты в их показателях *рентабельности миграции*. Причем эти контрасты во времени возрастают, демонстрируя головокружительные приоритеты кластера I в гнезде кластеров, привлекающих население (I, II и III). Это – социально опасный тренд, посылающий обществу предупреждающие сигналы *о массовизации феноменов миграционных фрустраций и разочарований населения*, обусловленных недостижимостью миграционных целей для все большего количества мигрантов, а кроме того об умножении «пустых» нерентабельных миграционных затрат – финансовых, временных, психофизических и пр. – сопровождающих миграционные перемещения населения. В этой тройке в самом невыгодном свете предстают регионы II и III кластера, существенно снизившие показатели своей миграционной «рентабельности». Так, соотношение коэффициентов рентабельности 2010–2012 гг. к 1996–1997 гг. в первых трех кластерах I, II и III составляет соответственно 90, 30 и 3 %.

Очевидная первопричина такого явления – ухудшающиеся условия для вселения и адаптации на новом месте участников межрегиональной миграции, в том числе ужесточение конкурентной борьбы за лучшее вакантное место «под солнцем». В ходе этой борьбы идет скрытый селективный отбор мигрантов: носители одних социальных характеристик закрепляются, носители других – отвергаются. Однако не факт, что удерживаются и адаптируются к новой среде (месту вселения) лишь лучшие представители. Напротив, в условиях коррумпированной институциональной среды в выигрыше зачастую оказываются субъекты с полукриминальными, нелегитимными практиками поведения, хорошо ориентирующиеся в подоб-

ных средах. На закрепляемость мигрантов оказывают влияние и объемы адаптивного капитала, находящегося в распоряжении мигрантов, а также возможности его конвертируемости в другие формы капитала – финансовый, сетевой, жилищный, производственный и пр.

Обратимся к изменениям, произошедшими с кластерами во времени, фиксируемым двумя временными точками: предкризисной второй половиной 90-х годов XX в. (у нас это 1995–1997 гг.) и посткризисным началом второго десятилетия XXI в. (т.е. 2010–2012 гг.). Представительность и число регионов в кластерах изменилось и порой кардинально. Однако основной части кластеров (четырем из шести) удалось сохранить во времени в своем составе либо некое ядро регионов, либо наиболее ярких лидеров-доминантов, определяющих лицо кластеров. Завидную стабильность состава обнаружил самый трагический в миграционном отношении кластер VI – «полюс миграционного бедствия или миграционной катастрофы». Одиннадцать резидентов из 14 сохранили здесь свою кластерную прописку во времени. В то же время два кластера – III и IV – полностью сменили своих резидентов, обнаружив поразительную неустойчивость, лабильность своего состава. При этом «благополучный» кластер – III – «слабо привлекающий население» – понес самые существенные количественные потери – число входящих в него регионов сократилось вдвое (с 24 до 12), отдав 13 регионов (Астраханскую, Новгородскую, Псковскую, Вологодскую, Ивановскую, Калужскую, Костромскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тамбовскую, Ярославскую области и Хакасию) в кластер IV – «миграционно-депрессивный». Последний в итоге вырос на 10 субъектов РФ.

Кластер I – полюс миграционного притяжения или миграционный магнит России – объединил сегодня самые притягательные для россиян регионы, отмеченные признаком «столичности», понимаемой в достаточно широком диапазоне смыслообразующих маркеров (об этом ниже). Он расширил свои географические контуры и претерпел заметные изменения как в составе регионов, так и в миграционных параметрах самого кластера. Так, он пополнился тремя регионами: г. Санкт-Петербургом, Краснодарским краем и Тюменской областью, не потеряв ни одного. В результате он вышел за рамки московско-подмосковной прописки (как это было в 1995–1997 гг.) и географически рассредоточился в разных частях страны. Сегодня он представлен, во-первых, двумя государственными столицами: прошлой (императорской) – г. Санкт-Петербургом, являющимся и поныне культурной столицей России, и нынешней – г. Москвой, а кроме того ближайшим территориальным окружением последней – «непосредственным подступом к Москве» – Московской областью. Во-вторых,

нефтяной столицей России – богатейшей Тюменской областью, куда со времени начала нефтедобычи ехали на заработки в прошлом веке и едут в нынешнем жители со всех концов страны. И, наконец, в третьих, рекреационной столицей России – благодатным Краснодарским краем, который всю вторую половину XX века и первого десятилетия века XXI неизменно был миграционным магнитом для российского населения. Федеральные инвестиции в инфраструктуру края, которые в связи с Олимпиадой в г. Сочи в последние годы достигли фантастических размеров, лишь укрепили миграционную притягательность (преимущества) региона.

Произошли изменения и в миграционных характеристиках кластера I: коэффициент миграционного оборота вырос почти в 3 раза (2,9), а коэффициент миграционного прироста в 2,3 раза. При этом коэффициент результативности миграции (число прибывших на 1000 выбывших, т.е. соотношение потоков прибывших и выбывших) продемонстрировал удивительную устойчивость во времени, оставшись неизменным (1670 чел.). В целом кластер показал весьма завидную динамику, что проявляется и в росте входящих в него регионов, и в количественных параметрах миграционной конкуренции регионов за человеческий капитал.

Кластер II – успешно конкурирующий в миграционной «борьбе» за население с другими регионами – занимает второе место по миграционной привлекательности входящих в него регионов. Высокий миграционный статус данного кластера обусловлен двумя благоприятными административно-географическими обстоятельствами. Во-первых, сегодня из 8-ми федеральных округов России центры 4-х – Южного (Ростов-на-Дону), Северо-Кавказского (г. Пятигорск), Уральского (Екатеринбург), Сибирского ФО (Новосибирск) расположены именно в данном кластере. Во-вторых, семь регионов имеют своими административными центрами города-миллионеры – Ростов-на-Дону, Уфа, Казань, Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Красноярск. Статус города-миллионера де-факто позволяет ему принимать участие в большом количестве федеральных и общенациональных программ и проектов, что несет ощутимые экономические, политические, коммуникационные, социокультурные и другие преференции. Города-миллионеры в России исторически «являются местами сосредоточения и притяжения человеческих, трудовых, промышленных, культурных, экономических ресурсов и центрами социально-экономического развития как для своего региона, так и обычно сразу для нескольких окружающих регионов», а некоторые из них (Москва и расположенные «относительно близко» к государственным границам Новосибирск, Ростов-на-Дону и др.) – также для стран СНГ и Азии. Значимость городов-миллионеров в этом качестве зависит не столько от числа жителей, сколько от ряда важнейших социально-экономических факторов

жизнедеятельности людей, ведущими из которых являются уровень доходов населения, состояния рынка труда (трудоновые вакансии, напряженность рынка и пр.), рынка жилья (масштабы и интенсивность жилищного строительства и др.) и рынка потребительских услуг (в том числе медицинских, образовательных, спортивных), накопленный экономический и социокультурный потенциал, а также наличие (и специфика) соседних регионов, для которых города-миллионеры являются транспортными узлами, центрами высшего образования, торговли, логистики, культуры, коммуникаций и пр.¹

Однако «индивидуальная» миграционная биография кластера II на изучаемом отрезке времени сложилась далеко не столь завидным образом как кластера I. Во-первых, кластер II отдал 3-х самых сильных и благополучных в миграционном отношении представителей – г. Санкт-Петербург, Краснодарский край и Тюменскую область – кластеру I, во-вторых, из него выбыла Самарская область, не удержав своих прежних позиций в ряду миграционно-успешных регионов. Одновременно кластер II пополнился регионами, которые поднялись на две ступеньку выше, улучшив свой миграционный статус. Это – Свердловская обл., Ханты-Мансийский авт. округ – Югра, Алтайский и Красноярский края.

В свою очередь, неизменная часть кластера – Новосибирская, Ростовская, Челябинская области, Ставропольский край, республики Башкортостан и Татарстан – образовала его устойчивое стабильное ядро, обеспечив определенную структурно-временную преемственность кластера II. И все же происшедшие передислокации регионов привели к заметному ухудшению миграционного климата (профиля) кластера II. Снизился запас его «миграционной прочности»: коэффициент результативности миграции сократился с 1230 до 1070 на 1000 выбывающих, словно стремясь к «эквивалентности», «сбалансированности» миграционного обмена населением с другими регионами, а относительное сальдо миграции – с 21,2 до 15,3 на 10 тыс. чел. населения. На этом фоне коэффициент миграционного оборота, напротив, существенно вырос (в 2,7 раза), что свидетельствует о росте «миграционных затрат» кластера для обеспечения миграционного прироста в расчете на каждые 10 тыс. чел. населения. В целом данный кластер демонстрирует отрицательную динамику в пространстве миграционных характеристик: число его резидентов сократилось с 11 до 10, кроме того он существенно ухудшил свой миграционный профиль, отдав более сильные регионы и приняв более слабые.

Кластер III – удерживающий (слабо привлекающий) население в межрегиональном миграционном обмене – объединяет сегодня (2010–2012 гг.) 12 субъектов РФ. Это – резиденты почти всех экономико-географических райо-

¹ (http://ru.wikipedia.org/wiki/Города-миллионеры_России).

нов России, в их числе Воронежская область (Центрально-Черноземный район, ЦФО), Республика Дагестан (Северный Кавказ, С-КФО), Ленинградская обл. (Северо-Западный р-он, С-ЗФО), Нижегородская обл. (Волго-Вятский р-он, ПФО), Самарская и Саратовская области (Поволжье, ПФО), Пермский край и Оренбургская области (Уральский р-он, ПФО, УФО), Кемеровская и Омская области (Западная Сибирь, СФО), Приморский край (Дальний Восток, ДФО).

На территории данного кластера расположен лишь один центр ФО – Нижний Новгород, являющийся «столицей» Приволжского ФО. Весьма заметно присутствие в данном кластере городов-миллионеров, их пять – Воронеж, Пермь, Нижний Новгород, Самара, Омск, а один город – Саратов – является субмиллионером. Однако и по уровню «столичности» (наличие центров федеральных округов, 1 против 4 во II-м кластере), и по доле городов-миллионеров (5 на 12 регионов против 7 на 10 регионов во II-м кластере) он заметно уступает своему более «мощному» в географо-административном и экономическом отношении кластеру II. Очевиден и результат – миграционная история данного кластера содержит в себе элементы известного драматизма. Так, все 24 региона, образующие его 15 лет назад, покинули его. Вологодская, Новгородская, Ярославская, Псковская, Ивановская, Калужская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Липецкая, Тамбовская, Астраханская, Калининградская области, республика Хакассия (всего 15 субъектов РФ) спустились на «иерархической миграционной лестнице» на ступеньку ниже в кластер IV – миграционно-депрессивный.

Брянская, Белгородская, Курская, Пензенская, Томская области, республики Удмуртия и Чувашия (всего 7) опустились на две ступени ниже и пополнили кластер V – миграционного катаклизма. Совсем незавидная участь выпала Магаданской и Камчатской областям, которые опустились в кластер VI – полюс миграционного бедствия, или миграционной катастрофы.

Одновременно проходили и встречные процессы: иные регионы, покинув места своей прежней дислокации, «заново» образовали данный кластер. При этом одни – Ленинградская и Самарская области, ухудшив свои позиции в миграционном пространстве, пришли из кластера II, успешно конкурирующего в миграционной борьбе за население с другими регионами. Другие же, напротив, поднялись вверх, улучшив свои позиции: Пермский и Приморский края, Нижегородская, Саратовская, Иркутская, Кемеровская область – на одну ступень, покинув кластер IV, а Воронежская, Оренбургская, Омская области и республика Дагестан – на две ступени, расставшись с кластером V.

В итоге кластер III продемонстрировал весьма высокую мобильность образующих его регионов. За 15 лет произошла 100-процентная смена

мость его состава. Однако число образующих его регионов сократилось с 24 до 12, т.е. в два раза.

В то же время по совокупности значений своих миграционных параметров кластер III обнаружил завидную устойчивость, претерпев наименьшие изменения в сравнении с другими кластерами: его коэффициент нетто-миграции вырос только в 1,4 раза (с 2,1 до 3,0 на 10 тыс. чел. населения), а коэффициент брутто-миграции всего лишь в 2,2 раза (самое низкое значение среди всех кластеров).

Кластер IV – миграционно-депрессивный (теряющий население на фоне среднего значения интенсивности миграционного оборота). Из 23 регионов кластера 13 составляют его территориальное ядро, находящееся в зоне непосредственного притяжения двух крупнейших столичных городов-мультимиллионеров – Москвы и Санкт-Петербурга. Фактом своего преимущественного географического расположения они (13 регионов кластера), с одной стороны, привлекают к себе население, притягиваемое центростремительными силами из пространственно удаленных от Центра субъектов РФ, с другой – сами несут вполне естественные миграционные потери, будучи не в состоянии противостоять притягательной мощи финансово-инвестиционных монополий (центров) и, одновременно, крупнейших агломераций России: Московской (18 млн чел.) и Санкт-Петербургской (6 млн чел.). Более детальный миграционный анализ процессов прибытия и выбытия в эти регионы показывают, что упомянутые 13 регионов данного кластера выступают своеобразной перевалочной базой, промежуточным этапом на пути мигрантов, следующих из отдаленных от Центра территорий страны в ее столицы.

В состав данного кластера вошли 4 национальных образования: республики Марий Эл, Мордовия, Хакассия и Чечня – исторически (еще с 80-х годов прошлого столетия) имеющие катастрофически высокий отток населения, а кроме того, Ульяновская, Амурская и Сахалинская области.

Примечательно, что данный кластер полностью сменил своих резидентов. Все 13 входящих в его состав регионов покинули его. Причем 4 региона (Алтайский и Красноярский края, Свердловская обл. и Ханты-Мансийский автономный округ) сумели подняться в миграционной иерархии на две ступени, войдя в «предэлитный» кластер II, успешно конкурирующий в миграционной борьбе за население с другими регионами. Нижегородская, Саратовская, Иркутская, Кемеровская области, Пермский и Приморский края перебралась на ступеньку вверх, в кластер III – удерживающий (слабо привлекающий) население в межрегиональном миграционном обмене. В свою очередь Мурманская и Волгоградская области ухудшили свои позиции, перейдя в кластер V.

Пополнили кластер IV Вологодская, Новгородская, Ярославская, Псковская, Ивановская, Калужская, Костромская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Липецкая, Тамбовская, Астраханская, Калининградская области, Республика Хакасия (всего 15 субъектов РФ). Все они ранее составляли ядро кластера III – удерживающего (слабо привлекающего) население в межрегиональном миграционном обмене, однако ухудшили свои миграционные позиции и опустились на ступеньку вниз, образовав, в свою очередь, ядро своего «нового» кластера. Кроме того в данный кластер вошли из кластера V Владимирская, Ульяновская, Амурская, Сахалинская области, из кластера VI перешли Карелия, Марий Эл, Мордовия и Чечня.

В результате всех структурных подвижек кластер IV почти удвоился в размерах (с 13 до 23 регионов). Оказались существенными и изменения его миграционных параметров: отрицательный коэффициент нетто-миграции сократился почти в 5 раз (с -22,4 до -4,8 на 10 тыс. человек населения в 2010–2012 гг.), а коэффициент брутто-миграции заметно вырос, хотя и не столь значительно в сравнении с другими регионами (в 2,4 раза, с 186 до 447 на 10 тыс. человек населения в 2010–2012 гг.). Напомним, что рост коэффициента брутто-миграции в странах и территориях, переживающих экономический спад, является, как правило, не классическим признаком подъема и развития экономики, а своего рода броуновским движением людей, мечущихся по административно-географическим пространствам, ища и не находя себе надежное пристанище (работу и жилье).

V кластер – «миграционного катаклизма» несет самые масштабные абсолютные и высокие относительные миграционные потери населения на фоне мощной интенсивности миграционного вала (коэффициента брутто-миграции). Включает в себя 20 регионов из 10 административно-географических районов страны (всего районов – 11), иными словами, имеет своих резидентов практически в каждом районе, кроме Северо-Западного. Это Брянская, Тверская и Тульская области (Центральный район, ЦФО), Белгородская и Курская области. (Центрально-Черноземный район, ЦФО), Республика Коми, Архангельская, Мурманская области (Северный район, С-ЗФО), Волгоградская (Поволжье, ЮФО), Пензенская области (Поволжье, ПФО), Удмуртская Республика (Урал, ПФО), Ямало-Ненецкий АО, Курганская обл. (Урал, УФО), Чувашская Республика, Кировская обл. (Волго-Вятский р-он, ПФО), Томская обл. (Западная Сибирь, СФО), Республика Бурятия, Забайкальский край (Восточная Сибирь, СФО), Республика Саха (Якутия), Хабаровский край (Дальний Восток, ДФО). Кластер включает один город-миллионер – Волгоград, ранее дважды терявший этот статус (1999, 2005 гг.), но сумевший вернуть его в 2010 г., а кроме того одну административную «столицу» – центр Дальневосточного

федерального округа – г. Хабаровск. Около половины регионов данного кластера (9) либо целиком, полным составом входит в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, либо какой-то своей частью (отдельными городами, административными образованиями). Отток населения из этих регионов, как известно, обусловлен не только постперестроечной разрухой экономики страны, самым разрушительным образом сказавшейся на данной группе регионов, но и крайне несовершенной, слабой системой льгот населению, проживающему и работающему в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, установленной федеральным законом РФ (№ 122 от 24 августа 2004 г.). Географическое и административное положение, экономический (промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт связь и коммуникации и пр.), демографический (рождаемость, смертность, брачность, здоровье и пр.), социокультурный (образование, религия и пр.), наконец, этнический ландшафт субъектов РФ, входящих в этот кластер, – весьма различны и порой даже диаметрально противоположны, в первую очередь, по географическому месторасположению, отраслевой структуре экономики, однако всех их объединяет общая проблема – масштабные потери населения.

Численность кластера V в анализируемый период выросла до 20 регионов с 18 (в 1995–1997 гг.). Ядро кластера, его образовали 10 субъектов РФ – Архангельская, Кировская, Курганская, Тверская, Тульская, Читинская (Забайкальская) области, республики Коми, Бурятия, Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий авт. округ, – осталось неизменным. Четыре региона – Воронежская, Оренбургская, Омская области и Республика Дагестан, улучшив свой миграционный климат (миграционный профиль) вышли из этого кластера, переместившись на две ступеньки вверх, в кластер III. Одновременно переместились из 5-го в 4-й кластер Владимирская, Ульяновская, Амурская, Сахалинская области. В свою очередь, кластер V пополнился Белгородской, Брянской, Курской, Пензенской, Томской областями, республиками Удмуртия и Чувашия (всего 7), которые опустились на две ступени ниже из кластера III, а кроме того, Мурманской, Волгоградской областями и Хабаровским краем, спустившимися из 4-го кластера.

По большинству миграционных параметров, в их «негативном проявлении», уступает лишь кластеру VI. Однако лидирует среди всех шести кластеров по объему миграционных потерь (величине абсолютного сальдо миграции с отрицательным знаком). Имеет весьма высокое значение а) коэффициента миграционного оборота (54 промилле против 63 в VI-м кластере) – миграционный котел его бурлит, свидетельствуя о мощном водовороте населения, а, кроме того, б) устрашающее по величине относительное сальдо миграции с отрицательным знаком (-28 промилле – это второе

место среди шести кластеров – против минус 43 в VI-м). В целом в данном кластере, как и в предыдущем, сократился коэффициент нетто-миграции, правда, много слабее, чем в кластере IV, в 1,5 раза (с минус 43 до минус 28 на 10 тыс. населения) и вырос чуть выше, в 2,6 раза коэффициент брутто-миграции (543 против 209 на 10 тыс. человек населения).

VI – полюс миграционного бедствия или миграционной катастрофы (максимальные величины коэффициентов отрицательного сальдо миграции и миграционного оборота). Напомним, что именно относительные показатели миграции дают представление о конечном эффекте (последствиях) миграционных процессов для конкретной территории.

Кластер объединил 13 регионов, в том числе пять – представляют Северный Кавказ (Адыгея – ЮФО, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Осетия-Алания – С-КФО), по одному – Северный (Ненецкий АО, С-ЗФО), Поволжский (Калмыкия, ЮФО), Западно-Сибирский (Республика Алтай, СФО), Восточно-Сибирский (Республика Тыва, СФО) районы, еще четыре (Камчатский край, Магаданская обл. Еврейская автономная обл., Чукотский авт. округ) – Дальневосточный район (ДФО).

Примечательно, что из представленных в данном кластере субъектов РФ восемь являются национальными республиками (Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесская, Осетия-Алания), два – автономными национальными округами: Ненецкий АО, Чукотский АО (большая часть его территории расположена за Северным полярным кругом, он держит рекорды в России по максимуму среднегодовой скорости ветра и повторяемости ураганов и штормов, в нем проживает 50,8 тыс. чел., плотность населения – 0,07 чел./км²), один – автономной областью – Еврейской – это один из самых малонаселенных субъектов РФ (проживает 173 тыс. чел, плотность – 4,8 чел./км²), хотя и относится по своим природным и климатическим условиям к одному из благодатных уголков Дальнего Востока, один – краем (Камчатский), один – областью Магаданская (население – 152,4 тыс. чел., плотность – 0,3 чел./км²).

Иными словами, 11 регионов из 13 представляют собой национальные образования. При этом шесть регионов – либо целиком, полным составом, либо какой-то своей частью (отдельными городами, административными образованиями) относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. Почти все регионы, кроме Адыгеи, являются окраинными и пограничными. Они окаймляют Россию почти сплошной линией, с небольшими разрывами, по всем ее южным, включая Каспий (Калмыкия), юго-восточным, восточным и северо-восточным государственным рубежам, а один регион – Ненецкий АО – с севера-запада страны по береговой линии Белого моря.

Кластер сохранил ядро, это 11 регионов РФ: Ненецкий авт. округ, республики Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Алтай, Тыва, Еврейская автономная обл., Чукотский авт. округ. Приобрел двух новых резидентов – Камчатский край и Магаданскую область – из кластера III. Потерял республики Карелия, Марий Эл и Мордовия, которые переместились в кластер IV.

Обладает максимально высоким из всех 6 кластеров коэффициентом миграционного оборота (635 промилле), самыми высокими в расчете на 10 тыс. чел. населения миграционными потерями (коэффициент нетто-миграции) – минус 43 чел., самой низкой результативностью миграции (численность прибывших на 1000 убывших), составляющей 892 чел., и столь же впечатляющими потерями населения в ходе миграционного обмена в расчете на 1000 мигрантов, – минус 84 чел. в «сухом остатке» от всех перемещающихся. Иными словами, миграционный котел бурлит под воздействием потоков выбывающих и прибывающих, дестабилизируя социокультурную и экономическую среду, деформируя связи и отношения людей и, в конечном счете, с беспрецедентной интенсивностью отдаст население из этих стратегически важных регионов России. Причинами столь мрачной миграционной картины выступают широко известные крайне неблагоприятные в российской, советской и постсоветской истории социально-экономические параметры развития этих территорий – традиционная, начавшаяся в царские времена и проходящая красной нитью через сталинский период, эпоху «развитого социализма» и обострившаяся до критического состояния в период перестройки и строительства рыночной экономики – отсталость (и запущенность).

И пятый, и шестой кластеры продемонстрировали схожие миграционные тренды во времени: заметно снизился, оставаясь опасно высоким, отрицательный коэффициент нетто-миграции (в 1,6 и 1,4 раза соответственно) на фоне роста коэффициентов миграционного оборота (в 2,6 и 2,8 раза соответственно). Отрицательная «рентабельность» миграции изменилась с -171 до -46 промилле в 5-м кластере и с -113 до -84 промилле в 6-м. Иными словами, разрушительные последствия миграционного вала (в расчете на 1000 мигрирующих) стали более щадящими для этих кластеров. Все это не должно порождать иллюзий, поскольку свидетельствует скорее об исчерпании (скажем так, «обнулении») внутренних миграционных ресурсов регионов, нежели о выправлении миграционной ситуации в целом.

Наиболее общий вывод состоит в следующем: развитие современного российского рынка, управляемое и контролируемое олигархически-бюрократическими¹ институтами власти в интересах столичных метрополий,

¹ Князев Ю. Пути развития России: ложные ориентиры и реальность // Общество и экономика. 2012, № 6. С. 3–16.

проходящее к тому же на фоне перманентных финансово-экономических кризисов сугубо российской спецификации и локализации, не преодолело, как ожидалось на старте рыночных реформ, а, напротив, закрепило и многократно усилило опасные межрегиональные миграционные тренды, доставшиеся в наследство от советского периода и обусловленные глубоким социально-экономическим неравенством (расколом) российских регионов, их жесткой иерархией по административно-экономическому статусу. В результате население реагирует мощным центростремительным движением с окраин и центра России (старинных обжитых российских регионов – «исторического сердца» российского государства) в столичные агломерации, создающие уникальную эксклюзивную в российском региональном контексте среду жизнеобеспечения. Последствия этих процессов настолько негативные и опасные, что представляют прямую угрозу сохранению государства в прежних границах и размерах. К сожалению, «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» не является тем документом, который посеял бы надежду на то, что в ближайшие 10–15 лет можно ожидать сколько-нибудь благоприятных перемен, не говоря уже о переломе, в весьма драматичной картине современного межрегионального перераспределения человеческого капитала России.
